

ссылки на „еллинских философов“, отвлеченность мысли и рядом глухие автобиографические заметки — вот что характерно для этой части „Слова о житии“.

Новые источники этого стиля, самих рассуждений начинаются со ссылки на „великого Дионисия“. Так именует обычно Максим Исповедник Дионисия Ареопагита в своих толкованиях на его „книги о небесном священноначалии“ (в переводе инока Исаии, сделанном в 1371 г. по поручению Феодосия митрополита Серского). Старшие русские списки этого сочинения именно в данном переводе сохранились уже от XV в. (см. А. Соболевский. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках — в книге „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков“. СПб., 1903, стр. 20). Отвлеченность мысли, трудный, усложненный язык могут быть в этой части „Слова о житии“ отголоском чтения автора. Здесь и психологические эпизоды (ум — чувство, сердце — слово; мысли о вечном, о зависти, ревности, о „памяти божий“, о разных видах „похвалы“, о „правой любви“), и богословские размышления — „бог бо не объят есть страстию“ и т. д., „бог бо любы есть“, „бог двоитво не имеет“ (следует совсем мало понятное рассуждение, в котором характерные для Дионисия Ареопагита и его толкователя отвлеченные термины — „троитво, четворство, пятьство, шестьство, четьство, семство“ — стр. 364); аналогии из мира природы — „солнцю же доброта и величество хвалится, и течение и борзость и сила имети мощно велику, яко от конца и до конца осветаги равно, никако же охукати теплот удалением“ — так и Дмитрий „сему же доброта и нрав добр, велик же величества ради, дерз же добродетели деание, дондеже възде в покой, силен же обътекает, яко солнце луча испущая, и вся съгрея, елико наиде“. Или: „говор воде ветром бывает, и мокрота земли солнцем погибает, ум владитель чювствием человеческим“ и т. д. Слава Дмитрия не „мерима“, „яко ни море в него текущих рек“... „Аки вода разделяется на двое от единого испкипения и паки сходится“, так „мысль предтекает ми глаголати о сем велицем цари“; „рвение к богу“ Дмитрия „аки огонь дышает скважнею“...

В русской панегирической литературе с XV в. реплики от имени автора в тексте житий, похвальных слов — нередки. В первой части „Слова о житии“ автор только дважды — и то бледно — упомянул о себе: „Еще же дръзну не срамно речи о житии сего нашего царя Дмитрия, да се слышаще цари и князи научитесь тако творити“ и „се единого повем от жития его“. Но в похвале, кроме заметок такого типа („Кое ли приложение славе его сделаю“, „мысль предтекает ми глаголати о сем велицем цари“, „се и аз не срамляюся глаголати“, „нудить мя язык яснее речи“, „да си глаголю, понудився слово писати житие сего“ и проч.) и формул авторского самоумаления, выраженных более или менее трафаретно („аз худоумный“, „уподобихся семени тому еуангельскому, еже впаде в тернии и подавится и не могло плода створити“, „аз же недостойный не възмогах твоему преславному господству по достоанию похвалы приложити за грубость неразумия“...), — есть эпизод, носящий как будто автобиографический характер. Среди богословско-психологических размышлений, автор пишет: „И аз убо худоумны на похваление предобраго господина ни словес изнести восхотех... Понеже преподобство твое испроси у нашего худовства слова, мы припадаем к святому духу, благодати просяще слово отвръзенье уст наших, иже не вредить душа, но обаче веселить. Аще ли дать святыи дух глаголати, яко же хощем, то деиство не мое управление, но твоя молитва... Но житие мое строптиво есть, не дать ми беседовати с тобою, якоже хощется...“